

Статеева Елена Васильевна

РОЛЬ КОММУНИКАНТА-МЕДИАТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается коммуникативная роль языкового медиатора, который в отличие от переводчика или случайного слушателя является полноправным участником коммуникации, имеющим собственное коммуникативное намерение. С точки зрения языковой компетенции роль языкового медиатора в художественном тексте рассматривается в диапазоне монолингв-диглосс-билингв. Выявлены различные виды репрезентации роли языкового медиатора в художественном дискурсе с точки зрения успешности коммуникации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 198-202. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Андросова С. А., Синельников Ю. Г. Интенсификаторы в структуре характерологических арготических фразеологизмов французского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 39-42.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
3. Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 174 с.
4. Кириллова Н. Н. Фразеология романских языков: этнолингвист. аспект / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. Ч. 1. Природа и космос. 319 с.
5. Сабурова Н. А. Структура фразеосемантического поля пространства // Филологические науки. 2002. № 2. С. 81-88.
6. Синельников Ю. Г., Андросова С. А. Образная основа характерологических фемининных фразеологизмов французского арготического (на материале фразео-тематической группы «Внешний облик человека») // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2009. № 4. С. 49-56.
7. Синельникова И. И. Вариативность и синонимия эмотивных фразеологизмов французского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5). С. 200-204.
8. Balzac H. Le contrat de mariage. 2011. 150 p.
9. Balzac H. Le cousin Pons. 2011. 280 p.
10. Daudet A. Le Petit Chose. 1983. 352 p.
11. Sand G. La petite Fadette. 2008. 224 p.

**EMOTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE FRENCH LANGUAGE
WITH MEANING “BEING IN LOVE” IN FIELD ASPECT**

Sinel'nikova Irina Ivanovna, Ph. D. in Philology
Androsova Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Belgorod State National Research University
sinelnikova@bsu.edu.ru; androsova_s@bsu.edu.ru

The authors undertake the attempt to construct phraseological-semantic field “being in love” by the material of the emotive phraseological units of the French language, reveal the structure of the field under consideration, analyze its kernel and peripheral zones, as well as the features of its structure and the semantics of its constituents, determine the main differential semes indicating the various intensity of state of being in love, and pay special attention to the distinction between the notions “love” and “being in love”.

Key words and phrases: phraseological-semantic field; phraseological unit; metaphorical image; phraseological comparison; emotional state; intensifier.

УДК 8; 81-22

Филологические науки

В статье рассматривается коммуникативная роль языкового медиатора, который в отличие от переводчика или случайного слушателя является полноправным участником коммуникации, имеющим собственное коммуникативное намерение. С точки зрения языковой компетенции роль языкового медиатора в художественном тексте рассматривается в диапазоне монолингв-диглосс-билингв. Выявлены различные виды репрезентативной роли языкового медиатора в художественном дискурсе с точки зрения успешности коммуникации.

Ключевые слова и фразы: языковая медиация; коммуникант-медиатор; художественный дискурс; диглосс; монолингвальный участник коммуникации; билингвальный участник коммуникации.

Статеева Елена Васильевна

Санкт-Петербургский государственный университет
helenarty@mail.ru

РОЛЬ КОММУНИКАНТА-МЕДИАТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ®

Исследователи разных направлений отмечают, что роль межкультурной коммуникации в современном глобальном сообществе неизменно возрастает, а в рамках монокультурной коммуникации наблюдаются изменения в сторону большей публичности и демократизации общения. Поэтому представляется, что изучение явления языковой медиации приобретает сегодня особую важность, а также возрастает интерес к фигуре коммуниканта-медиатора как в лингвистическом, так и в прагматическом аспекте.

В связи с развитием коммуникативной лингвистики в настоящее время в центре внимания ученых находится комплекс проблем, связанных с взаимодействием говорящих и адресатов в ходе речевого общения. Однако как в отечественной, так и в зарубежной науке лингвистический анализ такой коммуникации чаще всего ограничивается исследованием диалогической речи. Между тем, теоретические данные, накопленные

лингвистикой и другими науками, говорят о существовании еще одной, более сложной формы коммуникативного взаимодействия людей – взаимодействия в присутствии третьего лица. Такое взаимодействие, как подтверждает наш материал, может остаться в рамках диалога или принять форму трилога, если третье лицо вступает в коммуникацию. На стыке переводоведения и прагматической лингвистики, в свете антропоцентрического подхода к языку, ориентированности на человека, социум и культуру, изучение специфики данной формы коммуникации приобретает сегодня особый интерес.

Целью статьи является выявление возможных ролей коммуниканта-медиатора, представленных в художественном тексте с точки зрения его языковой компетенции, и определение коммуникативных задач, решение которых предполагает роль языкового медиатора. Мы обратились к этой проблеме, поскольку в теории перевода вопрос о языковом посредничестве традиционно ставится в связи с ситуацией перевода, то есть принято считать, что посредником в языковой коммуникации является переводчик.

Л. Л. Нелюбин определяет языковое посредничество как деятельность человека, владеющего двумя языками, обеспечивающую речевое общение людей, пользующимися разными языками [3, с. 262]. Здесь же подчеркивается, что общение через языкового посредника осуществляется путем постановки ему коммуникативных задач. Иными словами, языковой посредник, владеющий языками и той, и другой стороны, не преследует собственной коммуникативной цели, а «объективно» обеспечивает речевое общение людей, разделенных лингвоэтническим барьером, являясь центральным звеном опосредованной двуязычной коммуникации. Тем не менее, стоит отметить, что даже выступая в роли переводчика, коммуникант-посредник может иметь собственное коммуникативное намерение, заинтересованность в успешности коммуникации: *But the conversation went on in both languages, sometimes Tom, sometimes Webster translating for Mme Annette, because Webster wanted her contributions, if she had any* [6, p. 145].

Однако у ряда авторов мы находим более широкое понимание языкового посредничества. Так, например, Л. К. Латышев отмечает, что практикуются виды языкового посредничества, не имеющие «узаконенного» обществом статуса и наименования: например, когда языковой посредник в качестве отправной точки получает от заказчика коммуникативное задание (типа «Спросите его о том-то и том-то» и т.п.) и далее самостоятельно строит соответствующий текст, с которым и обращается к иноязычному участнику общения [1, с. 13]. В этом случае языковой посредник имеет больше свободы, чем в случае перевода, но и здесь характер и результат его действий определяется не его личными намерениями, а условиями и задачами межъязыковой коммуникации. Цель коммуникации и способы её достижения задаются факторами, внешними по отношению к переводчику, который выступает как исполнитель социальной роли, выполняя заказ либо самих участников межъязыкового общения, либо иных лиц, заинтересованных в том, чтобы коммуникация состоялась.

Между тем нам представляется, что языковое посредничество – явление неоднородное, и в повседневном общении не сводится к переводу, а может осуществляться и за его рамками. Можно, например, говорить о собственно посредничестве, которое внутри моноязычной коммуникации заключается в простой передаче информации от одного лица к другому (просьба передать привет, договориться о встрече, представить третьему лицу и т.п.). *'Please,' Chris said, 'say good-bye for me to Bernard, would you?'* [6, p. 156]. В данном случае можно считать, что речь идет о вербализации коммуникативного намерения одного из коммуникантов.

И, наконец, мы предлагаем выделять вид языкового посредничества, в котором языковой посредник имеет собственную коммуникативную цель. Предлагаем называть такой вид языкового посредничества языковой медиацией, а языкового посредника – коммуникантом-медиатором. Разницу между языковым посредничеством и языковой медиацией будем предварительно рассматривать в плане коммуникативного намерения. Если при собственно посредничестве и переводческом посредничестве посредник не имеет собственного коммуникативного намерения и лишь выполняет внешний заказ, то при языковой медиации все участники коммуникации имеют собственную коммуникативную интенцию и выступают как равноправные участники.

Стоит отметить, что неязыковая медиация, осуществляемая при помощи невербальных средств общения (указательные жесты в сторону потенциального коммуниканта, сокращение дистанции между коммуникантами и т.д.), также может являться достаточно эффективным способом коммуникации, но ее разновидности и способы их отображения в художественном тексте составляют отдельный предмет для дальнейших исследований и не рассматриваются в данной работе.

Понятие медиации активно разрабатывается в области внесудебного права, в философской герменевтике, конфликтологии, психологии общения, тогда как в лингвистике она до сих пор не является предметом системных исследований. Также недостаточно изучены и описаны способы лингвистической репрезентации роли коммуниканта-медиатора в художественном тексте.

В области лингвистической прагматики З. И. Мережинская рассматривает влияние случайного слушателя на речевое поведение коммуникантов, исследуя лингвопрагматические особенности коммуникации в его присутствии, а также возможности вхождения случайного слушателя в такую коммуникацию [2, с. 4]. Логично предположить, что случайный слушатель вполне может стать медиатором.

Объектом нашего исследования станет роль языкового медиатора в художественном дискурсе, под которой мы будем понимать (предварительно) участие стороннего участника в процессе оптимизации речевого общения двух или более коммуникантов. Ранее как языковая медиация, так и образ медиатора как участника коммуникации не являлись предметом отдельного рассмотрения. Особый интерес могут представлять способы выражения в художественном дискурсе коммуникативной роли медиатора, например, осуществления коммуникативного лидерства, передачи его внутренней речи, которая может отражать различия коммуникативных стилей, культурных ценностей и т.п.

Наши предварительные наблюдения показали, что в художественном тексте встречаются различные формы изображения роли языкового медиатора с учетом того, что языковая медиация может осуществляться как в случае межъязыковой коммуникации (то есть, в совокупности с переводом), так и в пределах одного языка.

Участие одного из коммуникантов в роли языкового медиатора может быть как запланированным, так и незапланированным, спонтанным; может оказываться как успешным, так и неуспешным. В общественном сознании роль языкового медиатора стереотипизирована преимущественно в диапазоне: монолингв-диглосс-билингв, что находит отражение в художественном дискурсе. Рассмотрим несколько примеров.

Начнем с примера 1, где языковая медиация рассматривается в совокупности с переводом и связана с решением множества коммуникативных задач, из которых складывается роль медиатора. Участники: 1-й коллективный коммуникант: американская семейная пара, разыскивающая нужных им людей в незнакомой стране; 2-й коммуникант: префект полиции Будапешта. Медиатор: американский вице-консул, владеющий обоими языками, т.е. медиатор может быть охарактеризован как **билингвальный** участник. Здесь необходимость в медиации вызвана языковым барьером между говорящими и адресатом. Тем не менее, необходимо учитывать, что статус вице-консула настолько высок, что его невозможно считать переводчиком и даже простым посредником. Именно его статус и сделал возможным саму ситуацию – встречу американцев с префектом, так как он по просьбе заинтересованных коммуникантов, еще без их участия, обеспечил саму ситуацию общения (что мы выводим из общих знаний). Таким образом, медиатора можно считать **организатором** межъязыкового и межкультурного общения. Ситуация языковой медиации является запланированной. Коммуникативной целью медиатора, обусловленной его должностными обязанностями, является обеспечение эффективного делового взаимодействия его соотечественников с представителями институтов местной власти зарубежного государства.

Мы видим, что при разговоре префект обращается только к медиатору, с которым он поддерживает давние деловые отношения, именно ему адресуя свои устные и письменные сообщения, полностью игнорируя присутствие заинтересованных адресатов, т.е. медиатор выступает в роли **квазиадресата**. *The officer talked in rapid Hungarian to the vice consul, who presently announced the gist of his remarks – the Blairs were too late* [5]. Выслушав ответ префекта о местонахождении разыскиваемых, медиатор представляет полученную информацию в сжатом виде, одновременно осуществляя переводческую функцию: *"He doesn't know. He received orders to move them on and they left last night"* [ibidem]. Затем префект что-то напоминает. *Suddenly the prefect wrote something on a piece of paper and handed it, with a terse remark, to the vice consul* [ibidem]. Прочитав записку, вице-консул обращается к американцам: *"He says try there."* Таким образом, информацию заинтересованным коммуникантам передает исключительно медиатор, т.е. он является **посредником-ретранслятором**, выполняя: а) либо перевод с компрессией для продолжительных отрезков речи (*announced the gist*); либо обычный линейный перевод – для непродолжительных отрезков речи (*He says try there*), в котором репрезентированы и источник – *He says* – и само сообщение; в) либо передачу из рук в руки сообщения, имеющего материальную форму – записку с текстом. Название города, куда уехали разыскиваемые, незнакомо американцам. Мужчина уточняет через медиатора, прочитав письменное сообщение: *"Sturmdorp — where's that?"* Чтобы им ответить, вице-консулу нужно посоветоваться с префектом. *Another rapid conversation in Hungarian*. Медиатор передает сведения: *"Five hours from here on a local train that leaves Tuesdays and Fridays"* [ibidem]. И добавляет от себя, просясь ситуацию: *"This is Saturday."* На данном этапе коммуникации медиатор становится **адресатом**, т.к. именно ему заинтересованный коммуникант адресует не предназначенную для перевода реплику насчет возможности взять машину напрокат в отеле, закрывая тем самым субтему способа передвижения: *"We'll get a car at the hotel"*. Таким образом, благодаря участию медиатора, который обладает достаточной языковой компетенцией и проявляет лояльность обеим сторонам, коммуникация оказывается полностью успешной. Более того, сама ситуация стала возможной только благодаря участию медиатора.

В отличие от примера 1 в примере 2 общение осуществляется в пределах монокультурной коммуникации, на одном языке, но это не помогает избежать недоразумений, поскольку коммуниканты используют различные диалекты: *standard & non-standard*. Королева просит соседей одолжить ей топор, но соседи плохо понимают «королевский английский»: *"Excuse me, but do you have an axe I could borrow?"* – обращается к ним королева. Но соседям слышится не *axe*, а непонятное *ix* [8, р. 36-37]. *"An ix?" repeated Tony*. Королева, в свою очередь, не понимает, почему соседи пришли в замешательство: *"Yes, an axe."* Ситуация не прояснилась: *"An ix?" puzzled Beverly*. Далее недоразумения множатся, коммуниканты все больше раздражаются и заходят в тупик. Общение грозит стать полностью неуспешным и даже конфликтным. Тогда в беседу вступает языковой медиатор, который в меру своих способностей разрешает конфликт: *The driver volunteered his services as translator. His hours of talking to the Queen had given him a new found linguistic confidence* [ibidem]. Участие медиатора в данной коммуникации незапланированное. Его коммуникативная цель – погасить возможный конфликт, поскольку он связан межличностными отношениями как минимум с одной из сторон. Коммуникация оказывается успешной, благодаря языковой компетенции медиатора как **диглосса**, которого мы рассматриваем как разновидность **монолингва**.

Возможны случаи медиации в ситуациях, как в примере 3, когда общение между коммуникантами, не связанными межличностными отношениями, ведется на одном языке и на одном диалекте, то есть также в рамках монолингвального общения. Говорящий: *Ashling*, девушка, пришедшая на собеседование. Адресат: *Jack Devine*, потенциальный работодатель, поранил палец, из которого течет кровь. Медиатор: *Calvin Carter*, коллега и друг адресата. Ситуация медиации является незапланированной. Девушка, заинтересованная в том, чтобы быть принятой на перспективную должность, предлагает свою помощь: *"Excuse me, would you*

like a Band-Aid for your finger?" [7, p. 22]. Адресат не ожидает такого развития событий. *Jack Devine looked up, startled. 'Who, me?'* [Ibidem]. Девушка пытается разрядить ситуацию: *'I don't see anyone else bleeding all over the place.'* *Ashling attempted a smile.* Адресат раздражается еще больше, общение заходит в тупик. *Jack Devine shook his head violently. 'Nah, no... Thanks,' he added, surlily* [Ibidem]. Ситуацию спасает добровольное спонтанное вмешательство медиатора. *'Why not? Calvin Carter intervened* [Ibidem]. Сопротивление адресата ослабевает: *'I'm fine.'* *Jack gestured with his good hand* [Ibidem]. Медиатор мягко вынуждает его принять помощь девушки. *'Take the Band-Aid,' Calvin said. 'Sounds like a good idea'* [Ibidem]. На данном примере мы видим, что собственная коммуникативная цель медиатора может либо совпадать с целью коммуниканта, связанного с ним межличностными отношениями, либо медиатор своим вмешательством может оказывать поддержку «постороннему» коммуниканту. В любом случае целью медиации являются устранение конфликтной составляющей коммуникации и гармонизация общения.

В приведенных выше примерах мы видим, что благодаря своевременному вмешательству языкового медиатора коммуникация оказывается успешной. Тем не менее, в нашем материале мы также отмечаем случаи коммуникативного сбоя. В примере 4 коммуникация осуществляется в **МОНОЛИНГВАЛЬНОЙ** среде, и все ее участники связаны тесными межличностными отношениями. Разговор происходит между матерью (*Deidre Doyle* – 1-й коммуникант) и взрослой дочерью (*Anna* – 2-й коммуникант). Мать говорит о своей симпатии к приятелю дочери, который ей совершенно не нравится. В роли медиатора выступает муж Дейдре и отец Анны (*Desmond Doyle*). Атмосфера, в которой происходит общение, весьма накалена. *A wave of resentment washed over Anna* [4, p. 22-23]. Мать не оставляет попыток изменить точку зрения дочери. *'You haven't talked much about him before,' her mother said* [Ibidem]. Дочь раздражается все больше. *'I know, Mother, so you told him two seconds after you met him'* [Ibidem]. Медиатор-отец вступает в разговор скорее не потому, что действительно хочет вмешаться, а по причине того, что попросту не может остаться в стороне с учетом социальных ролей говорящих. *'Don't be insolent to your mother,' Desmond Doyle said automatically* [Ibidem]. Участие медиатора в данной коммуникации незапланированное. Его коммуникативная цель – погасить возможный конфликт, поскольку он связан межличностными отношениями с обеими из сторон. Дочь возмущена: *'I'm twenty-three years of age, for Christ's sake, I'm not insolent like a child,' Anna stormed* [Ibidem]. Мы видим, что цель медиатора – гармонизировать общение – не достигнута и даже возымела противоположный эффект. Несмотря на участие медиатора, который проявляет лояльность обеим сторонам, коммуникация оказывается неуспешной, конфликт не погашен.

Таким образом, мы наблюдаем различную степень продуктивности языковых действий, языкового взаимодействия, медиации. По предварительным наблюдениям в художественном тексте роль коммуниканта-медиатора может получать различные репрезентации: 1) полная (конфликт погашен, коммуникация гармонизирована); 2) свернутая (есть конфликт, но нет гармонизирующей части); 3) авторский комментарий, вербализующий роль медиатора (*announced the gist of his remarks, volunteered his services as translator*).

Регулярность воспроизведения перечисленных форм коммуникативных отношений в художественном тексте позволяет предположить, что они представляют собой традиционные конвенциональные формы общения, принятые в англоязычном социуме.

Итак, можно заключить, что:

медиатор является полноправным участником коммуникации (в отличие от переводчика и собственно посредника), преследует собственную коммуникативную цель и может быть связан межличностными отношениями с одним или обоими другими участниками коммуникации (в отличие от случайного слушателя);

деятельность медиатора может осуществляться в условиях монологичной коммуникации (в отличие от переводчика);

медиатор может иметь различные коммуникативные роли, которые могут изменяться на протяжении ситуации общения (организатора общения, квазиадресата, посредника-ретранслятора, адресата);

с точки зрения языковой компетенции коммуникативная роль медиатора характеризуется автором художественного текста: как коммуниканта, обнаруживающего владение а) одним языком, б) социально-культурными диалектами одного языка, в) двумя языками;

с точки зрения успешности коммуникации роль языкового медиатора в художественном дискурсе может получать полную или свернутую репрезентации, а также может быть представлена в виде авторского комментария.

Список литературы

1. **Латышев Л. К.** Технология перевода: учеб. пособие для вузов. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. 280 с.
2. **Мережинская З. И.** Роль случайного слушателя в ведении английской речевой коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 24 с.
3. **Нелюбин Л. Л.** Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
4. **Binchy M.** *Silver Wedding*. London: Arrow Books Limited, 1989. 256 p.
5. **Fitzgerald F. S.** *Majesty* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feedbooks.com/book/1144/majesty> (дата обращения: 09.04.2013).
6. **Highsmith P.** *Ripley under Ground*. N. Y.: Vintage Books, 1992. 298 p.
7. **Keyes M.** *Sushi for Beginners*. London: Penguin Books, 2001. 564 p.
8. **Townsend S.** *The Queen and I*. London: Reading, 1993. 288 p.

ROLE OF COMMICANT-MEDIATOR IN LITERARY DISCOURSE

Stateeva Elena Vasil'evna
St. Petersburg State University
helenarty@mail.ru

The author considers the communicative role of a language mediator, who, unlike an interpreter or accidental listener, is a full participant in communication with his own communicative intention, from the point of view of language competence considers the language mediator's role in a literary text in the range of monolinguals-diglossia-bilinguals, and reveals the various kinds of language mediator's role representation in the literary discourse from the point of view of the success of communication.

Key words and phrases: language mediation; communicant-mediator; literary discourse; diglossia; monolingual participant of communication; bilingual participant of communication.

УДК 81'362

Филологические науки

В статье впервые рассматриваются вопросы перевода якутских имен собственных на английский язык на уровне фонологии. Дается описание и сравнение фонологических систем якутского и английского языков, выделяются наиболее сложные моменты перевода якутских имен собственных на английский язык и предлагаются пути их решения с учетом фонологических различий данных языков.

Ключевые слова и фразы: фонологическая система; имена собственные; фонема; дифтонг; монофтонг; эпос; якутский язык; английский язык.

Тарасова Зоя Егоровна

*Институт зарубежной филологии и регионоведения
Северо-Восточного федерального университета
zoj-tarasova@yandex.ru*

**ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЯКУТСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО ЭПОСА
«НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»)[©]**

В настоящее время расширился круг тех, кто интересуется богатейшим эпическим наследием нашего народа – олонхо. Героический эпос являлся и является предметом специальных исследований со стороны представителей самых разных областей науки. Ономастические и переводческие изыскания в этом плане не исключение [8, с. 3].

Имена собственные (далее ИС), или онимы, включающие антропонимы, этнонимы, топонимы, являются одним из ключевых элементов в понимании художественного произведения, к которому, несомненно, относится эпос. Онимическая лексика эпоса может содержать ценные сведения об истории и культуре, о языковых контактах народа. Кроме того, что ИС являются носителями обширной экстралингвистической информации, они выступают неотъемлемой частью структурной специфики эпического текста, его формального аспекта. В этой связи, ИС могут быть рассмотрены на всех языковых уровнях – фонетико-фонологическом, морфологическом, синтаксическом.

В якутском эпосе олонхо ИС играют важную роль в характеристике персонажей, мотивации их поступков, передаче определенной эпизодической атмосферы, а также в общей синтаксической структуре эпоса и его поэтике. По своей форме и содержательной стороне они, в большинстве случаев, многокомпонентны, осложнены глубокой смысловой, морфологической и синтаксической нагрузкой.

Так как онимическая лексика играет столь важную роль в формировании семантической структуры эпического текста и в реализации его эстетического замысла, то следует уделять особое внимание ее адекватной передаче в тексте перевода [7, с. 115]. Кроме того, при переводе якутских эпических текстов именно передача ИС часто вызывает наибольшие затруднения и разногласия среди специалистов.

В настоящей статье мы ставим цель рассмотреть основные фонологические аспекты передачи якутских ИС на английский язык на материале олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», записанного Платоном Алексеевичем Ойунским. В ходе нашего анализа мы будем частично ссылаться и на русский перевод якутских ИС, который, на наш взгляд, также требует современного научного подхода. Мы рассматриваем фонологическую сторону перевода ИС, так как ориентируемся на письменный перевод, подразумевающий письменное воспроизведение языковых единиц оригинала на язык перевода. Кроме того, в статье будут сопоставлены в контексте звуковой стилистики языковые нормы якутского и английского языков, являющихся предметом изучения фонологии как науки о звуках языка.